

ПОГОНЯ ЗА ЧУДОМ

Rudyard KIPLING. Hunting a Miracle (1887)

Перевод Н. Пушешникова

под редакцией Михаила Назаренко

Столь сбивчивые предписания всегда кончаются какой-нибудь бессмыслицей: "Иди и смотри! В Амритсаре - или около него - или еще где-нибудь жрец отрезал себе язык, и, говорят, язык вырос опять". В Амритсаре - до полутораэта тысяч населения, и город так огромен, что пришлось провести вокруг его стен трамвай. Отыскать человека в городской толпе нелегко; язык-то вырос, и отличить его от других языков совершенно немыслимо. А если жрец и до сей поры остается без языка, то единственное средство его найти - это осматривать рты у прохожих. Однако, с языком жрец или без него, а только весь Амритсар полнился слухами. Мальчишка-парс, забежавший в портерную, принес поразительную весть: "Безъязыкий жрец - непременно либо в городе, либо за городом" - и он очертил в воздухе круг, обозначая безграничность своего знания. Писец - возможно ли, чтобы он принадлежал к Арья Самадж? - тоже слышал про *Садху*; не выпуская перо из руки, он обозвал мальчишку "поганцем", "лгуном" и "побирушкой", разгорячился до такой степени и принялся пронзать пером воздух так яростно, что его собеседник скорее бросился к *тикка-гхарри*; Бес Противоречия заставил англичанина притвориться не знающим языка и обмануть извозчика. Он два раза выразительно повторил:

- Садху?

- Джехан, - ответил извозчик. - Первосортный Джехан, Дурбар-Сахиб.

Тогда наниматель высунул язык, и пелена упала с глаз возницы.

- *Бахут акха*, - сказал он и без долгих слов покатил в непроходимую пустыню, которая окружает форт Говиндар. Слово сахиба ничего не сказало ему, зато жест он понял недурно; через некоторое время коляска повернула в степь.

Близ Лахорской ветеринарной школы стоит тихий кирпичный монастырь, осененный деревьями и украшенный лестницами, террасами, извилистыми переходами; его кладбище усеяно могилами благочестивых основателей, а называется обитель "Чубара Чаджу Бхагата". Это место дышит спокойствием и миром; оно заполнено жрецами в розовых набедренных повязках и пропитано сильным запахом святости. Амритсарский извозчик остановился у поворота на лахорскую *чубару*, уверяя седока, что только здесь можно найти Садху с чудесным языком.

Такая обстановка и вправду сладостна душе восточного святого. Сквозь ветви *пинал* веял дремотный ветерок; по сторонам квадратного дворика виднелись ниши, предлагавшие место для сна; виднелись каменные ограды, насыпи и глиняные площадки, где жрецы разводили огонь и стряпали; было и множество колодцев. Десятка два жрецов поднялось из пыли, слезло с балкончиков, покинуло свои ложа, чтобы ответить на расспросы о Садху. Все это были славные жрецы - холеные, тучные, широколицые, не измазанные пеплом и куркумой, - словом, приятные на вид. Старики распевали песни для белок и вихрей пыли, несомых легким ветром на равнине. Они были ленивы, очень ленивы! Жрецы помоложе утверждали, что Садху, обретший язык, отправился в другую чубару, лежащую в нескольких милях отсюда, но даже там его настигли толпы поклонников. Жрецы не могли точно сказать, где же та чубара, но указывали примерно в направлении Джандиалы. Извозчик, однако, заявил, что знает это место, и заторопился с отъездом. Жрецы предупредительно посоветовали обождать немного, пока схлынет зной. Так и поступили; тогда-то, сидя в тени под аркой ворот, англичанин понял, почему его соплеменники временами сходят с ума, уходят к исконным обитателям этой страны и становятся жрецами: так поступил *** в Бомбее, а позже - ***, живший одно время у факира на вершине Джакко. Чудесной праздностью, великой непробудной ленью веяло от этого места; в молчании жрецы укладывались спать; юный священник лег животом в горячую пыль, дремотно бормоча и напевая под нос что-то невнятное; теплый ветерок с равнины, слабый аромат сожженного *гхи* и курений одурманили душу и тело англичанина, и не менее пятнадцати секунд ему казалось, что неплохо было бы дремать, нежиться на солнце и курить от восхода до заката... жирной свиньей среди жирных свиней.

Погоня возобновилась, и *гхарри* покатила в Джандиалу - примерно в том направлении. Торные пути остались позади, однако первосортный фиакр не уступал любой *экке*. Наконец, Амритсар исчез за горизонтом, и путники остановились возле второй чубары, еще более тихой и пустынной, опоясанной частыми деревьями. У ног лошадей тучей взвилась пыль, а когда она вновь осела, возник прекрасный юноша; голова его была точь-в-точь Велиалова, какой ее изображают художники, - голова демона